

DOI: 10.46698/VNC.2024.90.51.003

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Х.И. Баков
Л.Б. Хавжокова

В статье рассматривается сложная проблема национального своеобразия литературы, которая, будучи явлением историческим, всегда остается актуальной. Понятия национального и интернационального, национальной самобытности и творческой индивидуальности писателя периодически становятся предметом дискуссий литературоведов, критиков и философов. В данной работе акцентируется внимание на концепциях, в которых, подчиняясь идеологии большевиков, преуменьшалось значение национального в литературе. Утверждается, что национальное и интернациональное в известной мере находятся в диалектическом единстве, несмотря на то, что имеют различные методы отражения действительности. Национальное своеобразие проявляется как в форме, так и в содержании художественного произведения. Опыт исследования адыгских литератур приводит авторов к тому, что для выявления национального нужно учесть особенности художественного менталитета, традиции народа, религиозные, философские воззрения, этикет, народную педагогику. Отдельное внимание уделяется оригинальным образам и языковым средствам, которые особенно ярко проявились в творчестве Тембота Керашева, Алима Кешокова, Мухадина Бемурзова, Хабаса Бештокова. В заключении делается вывод о том, что степень развития в литературе национального своеобразия является одним из показателей идентичности народа, а также отражением ментальности этноса. В исследовании применен ряд общенаучных методов – наблюдение, анализ, сравнение, а также культурно-исторический, историко-генетический, структурно-семиотический методы. Полученные результаты могут быть применены при разработке спецкурсов, программ вузов и средних специализированных и общеобразовательных учреждений, а также в изучении вопросов, касающихся национальной самобытности адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской, черкесского зарубежья) литератур. Они могут стать подспорьем при создании истории многонациональной литературы РФ.

Ключевые слова: адыгская литература, национальное своеобразие, творческая индивидуальность, национальное/интернациональное, общечеловеческое, идеология, ментальность.

Для цитирования: Баков Х.И., Хавжокова Л.Б. Особенности отражения национальной ментальности в адыгской литературе // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 51 (90). С. 115-127. DOI: 10.46698/VNC.2024.90.51.003

В литературоведении широко исследованы темы, посвященные истории литератур, поэтике произведений, жизни и творчеству писателей, эволюции жанров, индивидуально-авторскому стилю и т.д. На сегодняшний день «ахиллесовой пятой» адыгского и в целом отечественного литературоведения следует признать проблемы национальной самобытности и творческой индивидуальности. Немногочисленные ученые, которые решались исследовать теорию национального и интернационального, отдавали предпочтение интернациональному (общечеловеческому) в ущерб национальному. Вопросами общечеловеческого характера с давних пор занимаются не только филологи, но также историки, политологи, философы. Больше всего эти вопросы были актуализированы в советский период, в особенности это имело место в новописьменных, в том числе в адыгских, литературах, которые много лет развивались под идеологическим прессом правившей партии.

Вполне естественно, что по масштабу и объему общечеловеческое намного шире, чем национальное, самобытное. Между людьми и народами также больше схожестей, чем различий. Эта картина проектируется в литературных произведениях, однако далеко не каждому художни-

ку слова удается образно отобразить в своих произведениях эти сходства и различия. Исследователям литературы также с трудом удается выявить национальную специфику художественного текста. Попробуем обосновать это на примерах из адыгского литературного процесса.

Национальное в жизни народа и в творчестве писателя – явление историческое, оно накапливается и изменяется с годами. Вопросы национального своеобразия искусства прогрессивными мыслителями разных эпох соотносятся с историческим прошлым и современным состоянием народа. В подтверждение приведем слова Д.А. Сикейроса: «Национальное прошлое служит нам как бы для проверки того, чтобы знать, чем мы будем впоследствии... надо смотреть на себя в зеркало истории нации для того, чтобы изучать себя в этом зеркале, чтобы идти дальше в соответствии с реальностью нашего времени и все время глядя вперед» [1, 14].

Хотя национальное и интернациональное – явления самостоятельные, они во многом находятся в диалектическом единстве. Национальное вырабатывается внутри каждого отдельного народа, обогащаясь яркими творческими индивидуальностями, в некоторых случаях оно может перейти в интернациональное, о чем известный исследователь

Г.И. Ломидзе писал следующее: «без отбора и обобщения материала национальной действительности, без крупных художественных открытий – национальное не станет интернациональным, не приобретет интернационального значения. Различие между интернациональным и национальным не в том, что интернационализм по своим границам шире национального, что он раздвигает узкие рамки национального бытия, возвышая частное, единичное до всеобщих истин. Интернациональное берет разбег от национального [2, 17].

На протяжении нескольких десятилетий идеологами большевиков активно пропагандировалась теория слияния наций и создания единого советского народа, что помешало исследованию национального в литературе и культуре в целом. Это отразилось как в литературах, имеющих многовековые истории, так и в новописьменных литературах. Об этом свидетельствует одно из высказываний кабардинского писателя и исследователя Хачима Теунова. Анализируя роман в стихах «Камбот и Ляца» классика кабардинской поэзии Али Шогенцукова, он отмечал: «Хочу обратить внимание лишь на одну сторону дела, на мой взгляд, наиболее важную: на интернациональное в художественных произведениях» (вторая сторона дела

– национальное – осталось лишь в названии статьи. – *Авт.*) [3, с. 168]. В этой же статье Х. Теунов резко заявил, принижая значение национального: «...при этом писатель (Али Шогенцуков. – *Авт.*) исходит не из каких-то никому непостижимых, непонятных национальных особенностей, а из общечеловеческих и классовых позиций» [3, 168]. Следствием идеологического прессы на литературу стало еще одно высказывание Теунова: «Взаимодействие и взаимообогащение культур братских народов Северного Кавказа, их сближение не только обезличивают национальные литературы, но и дают еще бóльший простор для развития и обогащения новых социалистических форм отражения действительности» [3, 168]. С одной стороны, следует согласиться с подобным утверждением, с другой, вызывает сомнение достоверность фразы «новых социалистических форм» (курсив наш. – *Авт.*) отражения действительности». Она сформулирована с опорой на известные в 1950-е гг. требования идеологов коммунизма, в соответствии с которыми художественные произведения должны были быть «социалистическими по содержанию и национальными по форме». В этом контексте кажется парадоксальным процитированное выше высказывание Теунова о романе «Камбот и Ляца» – о том, что

он не нашел в данном произведении национального своеобразия. Между тем Али Шогенцуков самый национальный, «выраженно кабардинский» поэт, как по форме, так и по содержанию его творчества.

Определение метода социалистического реализма в настоящее время не выдерживает критики поскольку литература как по форме, так и по содержанию не может быть ни социалистической, ни капиталистической, ни феодальной.

Проблема национального и общечеловеческого с другого ракурса рассмотрена в книге «О национальном своеобразии литератур адыгских народов» [4] черкесского литературоведа, профессора Х.Х. Хапсирокова. Исследователь расширил перечень составляющих компонентов и истоков национального своеобразия, связав его с национальным характером, психическим складом народа, с его историческим прошлым, языком, традициями фольклора. Ученый верно отметил этнографизм в творчестве Тембота Керашева и адыгских русскоязычных писателей-просветителей, а также однобокость отражения национального характера адыгов (черкесов) в русской литературе XIX в. Это стало одним из первых шагов к исследованию проблемы национального и интернационального, но единственное с чем трудно согласиться – утвержде-

ние о том, что «по мере более тесного сближения советских народов и их культур понятия “национальный характер”, “национальная культура” начинают уступать место новым понятиям “советский характер”, “социалистическая литература”» [4, 50]. Но здесь следует учитывать то, что ученый сделал подобное заявление в самом начале своей научной деятельности, когда идеология коммунистов еще оказывала существенное влияние на функционирование гуманитарных наук. Возможно, это было связано и с тем, что Хапсироков несколько лет работал в идеологическом отделе обкома партии. Однако в последующих своих исследованиях он исключил эпитеты «советский» и «социалистический».

После Х.И. Теунова и Х.Х. Хапсирокова никто из адыгских критиков и литературоведов специально не обращался к проблеме этнической самобытности. И только в 1994 г. в монографии «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» [5] одного из авторов данной статьи, Х.И. Бакова, эта проблема нашла оригинальное полиаспектное научное разрешение.

Другой не менее значимой и сложной проблемой во все времена является изучение и освещение (научное, художественное) национального характера. С давних пор в отечествен-

ной и зарубежной литературе художники слова весьма поверхностно подходили к воссозданию национального характера черкесов. Черкес в произведениях русских и зарубежных писателей – бесстрашный воин. Профессиональными воинами черкесов сделали исторические обстоятельства и необходимость веками защищать свою родину и свободу, но, воссоздавая его образ, некоторые авторы опускались до эпитетов «грабитель», «хищник». При этом мало кто отмечал трудолюбие черкесов, о чем еще в 1932 г. писал Т.М. Керашев в своей статье «Искусстве адыге»: «Адыги знали и другую жизнь... То неутолимое трудолюбие, с каким ухаживали адыге за своими виноградниками, скотом и садами, та усидчивость, с которой адыге вырезали узоры на деревянных изделиях, на чеканках из травы, богатая своеобразная орнаментация, сравнительная опрятность и прибранность хат (об этом также писал М.Ю. Лермонтов. – *Авт.*), показывают, как хотелось бы адыге устроить свою жизнь и свидетельствуют о значительном их эстетическом чутье» [6, 106].

Некоторый сдвиг в изображении национального характера адыгов произошел в творчестве первого поколения поэтов и писателей, вступивших в литературный процесс в 20–40-е гг. XX в. Несмотря на влияние на их творчество некото-

рых идей пролеткульта и вульгарной социологии, эти писатели были тесно связаны с первоисточником – национальной конкретикой, этнографией и историей, а фольклор был одним из главных источников творчества. Существует еще один важный момент, на который исследователи не обращают достаточного внимания: родной язык тогда носил первозданный характер, ее лексика еще не была перегружена заимствованиями. Это наглядно проявилось в творчестве Али Шогенцукова.

В последующие периоды в новописьменных литературах усиливается субъективная роль автора; с одной стороны, растет удельный вес творческой индивидуальности, с другой, увеличивается влияние русской классической и советской литературы на художественную словесность народов СССР. Как следствие, национальное своеобразие становится незаметным, но не исчезает, а как бы уходит вовнутрь.

Одним из источников национального является этнографизм, который имел место в творчестве адыгских русскоязычных писателей-просветителей, творивших в XIX в. Перед этими известными писателями-первопроходцами того периода, о которых В.Г. Белинский лестно отзывался и чьи произведения А.С. Пушкин печатал в журнале «Современник» (Хан-Гирей, Казы-Гирей, Адыль-Ги-

рей Кешев), стояла важная задача: показать образ черкеса, его национальный характер русскому читателю, поэтому в своих произведениях они уделяли особое внимание этнографическим деталям. Спустя годы, после зарождения у адыгов профессиональной письменной литературы в произведениях писателей первого поколения, творивших в 20–30-е гг. XX в., этнографизм отступил на второй план. Молодые литературы оказались под идеологическим прессом, ввиду чего в литературном процессе ведущей оказалась политическая тема. В нем наблюдалось доминирование произведений, в которых прошлое освещалось в негативных тонах, а настоящее, наступившее после революции, стало «лучом в темном царстве». Все это общеизвестные факты. Нас же интересует проблема национального своеобразия, которой в те годы никто не занимался в литературоведении народов Северного Кавказа, и не только. Многие мастера художественного и научно-критического слова были увлечены темами общечеловеческого масштаба. В этот период с большими трудностями появились творческие индивидуальности с собственным авторским мировоззрением и идеостилем. Национальный характер постепенно трансформировался в советский характер.

Исключением из этого однообра-

зия в начале XX в. стало творчество Али Шогенцукова (в поэзии) и Тембота Керашева (в прозе). В их произведениях проявились оригинальные этнокультурные стереотипы. Немного позже Т. Керашевым были написаны повести «Дочь шапсугов», «Абрек», «Месть табунщика», в которых впервые в своем творчестве и в адыгской литературе писатель отразил национальные характеры.

Примечательной особенностью прозы Керашева является художественный этнографизм, который был свойствен еще адыгским русскоязычным писателям-просветителям XIX в. Если последние с помощью фольклора и этнографии знакомили русского читателя с бытом и нравами черкесов, то этнографизм Керашева носит качественно иной смысл. Анализ быта, обычаев и нравов своего народа помогает автору создать конкретный, реалистически достоверный национальный образ, сближает его с читателем, воспитанным на фольклоре. Писатель подходит к обычаям и традициям дифференцированно, утверждая лишь те из них, которые соответствуют времени и современной морали. Особое внимание он уделяет нравственному облику персонажей.

Интерес Керашева к образу черкеса-наездника, абрека был не случайным: «Эти наездники-одиночки, – писал он, – были десницей угне-

тенного народа, пистолетом с взведенным курком, направленным в грудь угнетателей» (цит по: [7, 122]). В исторических повестях Керашева, основанных на фольклорном материале, раскрываются социальная и гуманистическая основа абречества, которое получило распространение на Кавказе в XVIII–XIX вв. Эти повести сыграли важную роль в становлении творческой индивидуальности писателя. Герои повести – простые труженики, мужественные и смелые люди – Каймет («Абрек»), Лаукан («Мечь табунщика»). Повествование в них ведется в форме рассказа от имени человека из народа. В художественную ткань вводятся афоризмы, пословицы, этнографические детали. Мастерски выписанные пейзажи несут нагрузку поэтических символов. Писателем созданы убедительные образы, среди которых и женские (Гулез – дочь шапсугов).

В послевоенный период, особенно с 60-х гг. XX в., национальное своеобразие, национальный характер получают достойное место в произведениях таких ярких творческих индивидуальностей, как Алим Кешоков, Борис Утижев, Хабас Бештоков, Аскер Евтых, Нальби Куёк, Исхак Машбаш, Юнус Чуяко, Курман Дугужев, Мухадин Бемурзов. Кроме этнографических деталей, в своих произведениях они широко исполь-

зовали фразеологизмы, пословицы и поговорки, оригинальные эпитеты, сравнения, метафоры и другие изобразительно-выразительные средства и приемы, а также возможности сюжетов. Все это в совокупности послужило созданию целостного художественного образа, что во все времена является одной из главных целей мастеров слова.

Элементы национального своеобразия и особенно национального характера отчетливее всего проявляются в прозаических жанрах через обширные этнографические описания и конкретные образы персонажей. Гораздо сложнее они отражаются в поэзии, в частности в лирике, так как она не дает эпически развернутой картины национального бытия. Лирика не описывает, не повествует, она непосредственно связана с субъективным видением автора и служит в основном формой передачи внутреннего мира и самовыражения. Несмотря на это, в адыгской лирической поэзии в 1960-е гг. появились яркие творческие индивидуальности, обладающие национальной самобытностью.

Именно национальное своеобразие в известной степени вывело на всесоюзную арену поэтов Северного Кавказа – таких как Расул Гамзатов, Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Исхак Машбаш и др. Спустя время по этому пути за ними

последовали Нальби Куёк, Курман Дугужев, Мухадин Бемурзов, Хабас Бештоков, Борис Утижев и др. Всех перечисленных авторов объединяет глубокое знание родного языка и литературного процесса. Все они имели высшее филологическое образование и хорошо владели теорией литературы.

Старшее поколение адыгских поэтов старалось выразить национальное через превращение обычных слов из этнической действительности, таких как конь (*шы*), всадник (*шу*), бурка (*щIакIуэ*), кинжал (*къамэ*), камень (*мывэ*), скала (*къыр*), горы (*бгы*), в символы, вкладывая в них философское содержание. В этом смысле А. Кешоков использовал оригинальные сюжеты, демонстрируя при этом высокий уровень владения искусством стихосложения (в том числе «народного/фольклорного»), в котором отражаются особенности языка, а через них – этнокультурная идентичность адыгов. Особенно удачным в этом плане представляется цикл, посвященный образу всадника: «Путь всадника», «Всадник», «Поэт со своей посадкою в седле», «На мчащемся коне».

В стихотворении «Путь всадника» («Шыхулъагъуэ») А. Кешоков использовал известную адыгскую легенду о том, как волшебный всадник во время Всемирного потопа

спас лошадей, уведя их на небо. Искры, летевшие из-под ног лошадей, прочертили их путь, впоследствии названный Млечным Путем. Рассказав эту интересную историю, в заключительной строфе автор спроецировал ее на проблему назначения поэта и поэзии:

*Сэ а шы псынциIэр згъуэтатэм,
Iус зыхуей псомкIи згъэнциIынт,
ЦIахуцIэу и щIыбым зездзынти
ЩIым си Шыхулъагъуэ щысщIынт*
[8, 55].

О, если б мне чудесный конь
достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его и мчался,
И Млечный Путь провел бы
по земле [9, 22].
(Пер. С. Липкина)

Здесь присутствует емкий образ с глубоким философским наполнением: что может быть благороднее того, чтобы указать путь людям. По художественной семантике образ поэта в данном случае можно сравнить с Данко из «Легенды о Данко» А.М. Горького, который вырвал свое сердце из груди и осветил путь людям. Таким образом, в стихотворении А. Кешокова наблюдается удачное сочетание национального и интернационального в рамках одного произведения.

В основу другого стихотворения «Кинжал» («Къамэ») положена адыгская пословица «зэкъуэшитІрэ дзитІ зыІутрэ» – «два брата, словно два лезвия (букв. зуба) кинжала одного». После перечисления особенностей кинжала, рассказа о его жестокости и доброте, о мастере, изготовившем его, А. Кешоков пишет о своем творческом кредо:

*А къамэ дзитІым ещъыркъабзэу,
Гурылъым псалъэр тезмыгъэкІ.
Сэ фІыкІэ цІыхум сахуоусэ,
Цыху зыщІэхъуэпсыр сощІ гукъэкІ*
[8, 228].

Мерцает сталь холодная сурово,
И я желаю более всего,
Чтобы сливалась истина и слово,
Как лезвия кинжала одного
[10, 323].
(Пер. Я. Козловского)

Более подробно образ кинжала рассмотрен в отдельной статье Х.И. Бакова, в которой проведен его сравнительно-сопоставительный анализ в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, Р. Гамзатова и А. Кешокова [11, с. 66–71].

Проблема национального своеобразия и этнической идентичности стала лейтмотивом творчества некоторых других адыгских авторов – Исхака Машбаша, Мухадина Бемурзова, Мухамеда Нахушева, Бориса Утижева, Хабаса Бештокова и др.

К современному периоду адыгской литературе «нашли отражение все сферы этнокультуры адыгов: особенности характера, нравы, моральные и психологические устои этноса, народные культы и обряды, символика одежды, приметы, элементы афористики и т.д. Воссоздавая художественный образ народа, поэты вплетают в свои произведения обширный этнографический и исторический материал» [12, 44–45]. Все обозначенное особенно ярко проявилось в творчестве черкесского автора Мухадина Бемурзова и кабардинского поэта Хабаса Бештокова. В стихотворениях «Прекрасной черкешенке» («Адыгэ пщакэ нэсым»), «Что значит быть адыгом» («Уадыгэным къикІыр»), «От Майкопа до Адлера» («Мейкъуапэ щыщІэдзауэ Адлер нэсу...»), «Адыгский язык» («Адыгэбзэ») М. Бемурзова [13] и «Наша история адыгская...» («Ди адыгэ тхыдэ...»), «Прекрасная земля отцов...» («Ди адэжьхэм я щІыналъэ дахэ...»), «Два стиха об адыгах» («Адыгэ уситІ»), «Адыгская государственность» («Адыгэ къэралыгъуэ»), «На материнском языке» («АнэдэльхубзэмкІэ») Х. Бештокова [14] и во многих других произведениях этих авторов сформировано полное представление о национальном характере адыга (черкеса), его мировоззрении и образе жизни. В них сконцентрирован большой объем ценной информации об истории, культуре, тради-

5. Баков Х.И. Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии. Майкоп: Меоты, 1994. 253 с.
6. Керашев Т.М. Искусство адыге // Революция и горец. 1932. № 2/3. С. 105–115.
7. Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX – XXI вв. Библиографический словарь в 3-х тт. Т. II: К–П / Под ред. Л.Б. Хавжоковой. Нальчик: Принт Центр, 2022. 434 с.
8. Кешоков А.П. Собрание сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения и поэмы. [Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. I том. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ]. Нальчик: Эльбрус, 2004. 512 с. (на каб.-черк. яз.)
9. Кешоков А.П., Кулиев К.Ш. Горской песни два крыла. Нальчик: Эльбрус, 1974. 64 с.
10. Кешоков А.П. Избранное: Стихотворения / Пер. с кабард., сост. М.М. Хафицэ. Нальчик: Эльбрус, 2014. 344 с.
11. Баков Х.И. Стихотворение «Кинжал» в системе нравственных ценностей лирики А. Кешокова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4(42). С. 66–71.
12. Хавжокова Л.Б., Жемухова Р.А. Исторические рефлексии адыгского народа в романе-дневнике Хабаса Бештокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11(77). Ч. 1. С. 44–47.
13. Хавжокова Л.Б. Художественный мир Мухадина Бемурзова. [Бемырзэ Мухъедин и усыгъэ дунейр]. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 190 с. (на каб.-черк. яз.)
14. Бештоков Х.К. Удивительный мир. Лирика (1962–2002). [Дуней тельъджэ. Лирикэ (1962–2002)]. Нальчик: Эльбрус, 2003. 544 с. (на каб.-черк. яз.)

Bakov, Khangeri I. – Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); h.bakov@mail.ru

Khavzhokova, Lyudmila B. – Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

FEATURES OF REFLECTION OF NATIONAL MENTALITY IN ADYGHE LITERATURE

Keywords: Adyghe literature, national identity, creative individuality, national / international, universal, ideology, mentality.

The article examines the complex problem of the national identity of literature, which, being a historical phenomenon, always remains relevant. The concepts of national and international, national identity and creative individuality of the writer periodically become the subject of discussions among literary scholars, critics and philosophers. This work focuses on concepts in which, subordinate to the ideology of the Bolsheviks, the importance of the national in literature was downplayed. It is argued that the national and international are to a certain extent in dialectical unity, despite the fact that they have different methods of reflecting reality. National identity is manifested both in the form and content of a work of art. The experience of studying Adyghe literature leads the authors to the conclusion that in order to identify the national one, it is necessary to take into account the peculiarities of the artistic mentality, traditions of the people, religious and philosophical views, etiquette, and folk pedagogy. Special attention is paid to original images and linguistic means, which were especially clearly manifested in the works of Tembot Kerashev, Alim Keshokov, Mukhadin Bemurzov, Khabas Beshtokov. In conclusion, it is concluded that the degree of development of national identity in literature is one of the indicators of the identity of the people, as well as a reflection of the mentality of the ethnic group. The study used a number of general scientific methods - observation, analysis, comparison, as well as cultural-historical, historical-genetic, structural-semiotic methods. The results obtained can be applied in the development of special courses, programs for universities and secondary specialized and general educational institutions, as well as in the study of issues relating to the national identity of Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian abroad) literatures. They can become a help in creating the history of multinational literature of the Russian Federation.

For citation: Bakov, Kh.I., Khavzhokova, L.B. Features of reflection of national mentality in Adyghe literature // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 51 (90). Pp. 115-127. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.90.51.003

References

1. Siqueiros, D.A. *Natsional'noe v iskusstve* [National in art]. *Tvorchestvo* [Creation]. 1958, no. 8, pp. 14–15.
2. Lomidze, G.I. *Istiny yasnye i spornye* [Clear and controversial truths]. *National and international in Soviet literature* [National and international in Soviet literature]. Moscow, Nauka, 1971, pp. 9–44.
3. Teunov, Kh.I. *Natsional'noe i internatsional'noe v literature* [National and international in literature]. *Don* [Don]. 1959, no. 8, pp. 166–175.
4. Khapsirokov, Kh.Kh. *O natsional'nom svoeobrazii literatur adygskich narodov* [On the national originality of the literature of the Adyghe peoples]. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskoe kn. izd-vo, 1960. 64 p.
5. Bakov Kh.I. *Natsional'noe svoeobrazie i tvorcheskaya individual'nost' v adygskoj poezii* [National originality and creative individuality in Adyghe poetry]. Maykop, Meoty, 1994. 253 p.

6. Kerashev, T.M. *Iskusstvo adyge* [The art of the Adyghe]. *Revolyutsiya i gorets* [Revolution and the Highlander]. 1932, no. 2/3, pp. 105–115.
7. Khavzhokova, L.B. (ed.). *Adygskie (adygeiskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh'ya) pisateli XIX – XXI vv. Bibliograficheskii slovar' v 3-x tt.* [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian abroad) writers of the 19th – 21st centuries. Bibliographical dictionary in 3 vols]. Nalchik, Print Tsentr, 2022, vol. II: K–P. 434 p.
8. Keshokov, A.P. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. *Sobranie sochinenii v shesti tomakh* [Collected works in six vols]. Nalchik, El'brus, 2004, vol. 1. 512 p. (in Kabardino-Circassian)
9. Keshokov, A.P., Kuliev, K.Sh. *Gorskoi pesni dva kryla* [Two wings of mountain song]. Nalchik, El'brus, 1974. 64 p.
10. Keshokov, A.P. *Izbrannoe: Stikhotvoreniya* [Favorites: Poems]. Nalchik, El-brus, 2014. 344 p.
11. Bakov, Kh.I. *Stikhotvorenie "Kinzhal" v sisteme npravstvennykh tsennostei liriki A. Keshokova* [The poem "Dagger" in the system of moral values of A. Keshokov's lyrics]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS]. 2011, no. 4(42), pp. 66–71.
12. Khavzhokova, L.B., Zhemukhova, R.A. *Istoricheskie refleksii adygskogo naroda v romane-dnevнике Khabasa Beshtokova* [Historical reflections of the Adyghe people in the novel-diary of Khabas Beshtokov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2017, no. 11(77), part 1, pp. 44–47.
13. Khavzhokova, L.B. *Khudozhestvennyi mir Mukhadina Bemurzova* [The artistic world of Mukhadin Bemurzov]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanities, 2014. 190 p. (in Kabardino-Circassian)
14. Beshtokov, Kh.K. *Udivitel'nyi mir. Lirika (1962–2002)* [Amazing world. Lyrics (1962–2002)]. Nalchik, El'brus, 2003. 544 p.